http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 070.4

Алла Николаевна Тепляшина,
доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(192012, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9),
e-mail: a-nik@list.ru

Лексические особенности свободно-косвенного дискурса репортажей Андрея Колесникова

Статья содержит описание некоторых ключевых вопросов, связанных с категорией свободно-косвенного дискурса, который рассматривается как совокупность авторских маркёров, создающих эмоциональное пространство репортажа и участвующих в конструировании читательского восприятия. Описываются возможности свободно-косвенного дискурса, основанного как на функциях нарратора (рассказчика), так и на смыслообразующих функциях самого репортажного нарратива. Рассматривается использование нарратива на примере репортажей политического журналиста А. Колесникова. В статье раскрыты особенности проявления ироничности на примере лексической презентации журналистом своих наблюдений над политическим истеблишментом в изображаемой реальности. В ряде случаев речь идёт о самоиронии журналиста, создающего свой образ рассказчика как рядового россиянина. Особенностью дискурса является литературный стиль, отсутствие просторечной, инвективной лексики. Лексика исследуемых репортажей демонстрирует значительный репертуар средств создания ироничной тональности как количественно (статистически), так и качественно (семантически), что позволяет рассматривать её как концептуальный способ выражения мировосприятия. Исследование показывает, что нарративный медиатекст имитирует каноническую коммуникативную ситуацию, в которой присутствуют говорящий и слушающий. В нетрадиционном нарративе слушающий условен, его замещает читатель, привлечь внимание которого — сверхзадача журналиста. Её выполнение зависит от способа выражения отношения автора к предмету речи, к контексту, которому должны соответствовать режимы интерпретации в пространстве СКД.

Ключевые слова: свободно-косвенный дискурс, репортаж, рассказчик, нарратив, дейксис, ирония, несобственно-прямая речь

Введение. Отечественные и зарубежные исследователи массмедиа на протяжении последних двадцати лет анализировали факторы эффективности политической журналистики, в том числе способность журналиста адекватно освещать актуальные темы внешней и внутренней политики. В круг исследований входили различные проблемы деятельности политических журналистов: взаимодействие журналистики и политического PR [17]; ангажированность [19]; трансгрессия [20]; этические коллизии [21]; роль журналистов в поддержании политического режима и укреплении его легитимности, фрагментарность и несистемность влияния журналистики на политику [18] и т. д. Проблема эффективной социальной и ответственной деятельности журналиста в современном противоречивом российском обществе исследовалась И. В. Ерофеевой в непосредственной связи с аксиологией медиатекста в русской культуре [6]. В терминологический аппарат вошло понятие «медиатизация политики», которое отражает процесс перемещения политической жизни в символическое пространство средств массовой информации. Медиатизация политики привлекает внимание аудитории к акторам, определённую харизму которых формируют СМИ.

От профессионализма политического журналиста, в том числе литературного таланта, блестящего владения, в первую очередь, русским языком, зависит многое. В Нобелевской речи И. Бродского содержится важная мысль о том, что «политическая система, форма общественного устройства, как всякая система вообще, есть, по определению, форма прошедшего времени, пытающаяся навязать себя настоящему (а зачастую и будущему), и человек, чья профессия – язык, – последний, кто может позволить себе позабыть об этом» [8]. Известный филолог Н. С. Валгина, исследовавшая динамику изменений в русском языке, отметила «общее снижение стиля массовой печати, утраты литературной чистоты и стилистической «высокости»[1]. На этом фоне тексты А. Колесникова представляют образцы словесной эстетики и одновременно богатый эмпирический материал для изучения стратегических коммуникаций политического медиатекста.

[1] Валгина Н. С. Функциональные стили русского языка: учеб. пособие. – М.: Илекса, 2011. – С.125.

© Тепляшина А. Н., 2018

Методология и методы исследования. Методология исследования базируется на методиках, разработанных школой В. В. Виноградова. Известный учёный В. В. Одинцов, последователь В. В. Виноградова, писал: «Методологической основой анализа текста является положение о единстве формы и содержания как о двух неразрывно связанных и диалектически соотносящихся сторонах речевого произведения. Цели стилистического анализа допускают временное условное выделение одной из сторон, рассмотрение отдельных элементов формы или содержания, но и в этом случае необходимо не упустить из виду их соотношение, особенности взаимодействия в текстах разных типов. Полное понимание текста предполагает понимание того, почему в данном случае употреблено именно такое слово, именно такой оборот или синтаксическая конструкция, а не другая; почему для выражения данной мысли в данных условиях необходимы именно эти языковые средства, именно такая их организация» [12, с. 35].

Результаты исследования и их обсуждение. Нарративный медиатекст имитирует каноническую коммуникативную ситуацию, в которой присутствуют говорящий и слушающий. В нетрадиционном нарративе слушающий условен, его замещает читатель, привлечь внимание которого – сверхзадача журналиста. Её выполнение зависит от способа выражения отношения автора к предмету речи, к контексту, которому должны соответствовать режимы интерпретации в пространстве свободно-косвенного дискурса (СКД).

Н. В. Журди систематизировала и проанализировала основные трактовки СКД, возникшие в рамках нарратологических и лингвистических исследований [7]. Автор также предложила собственную интерпретацию термина СКД как повествовательную форму, которая характеризуется как грамматическими, так и нарратологическими параметрами и является наиболее адекватной для передачи внутренних переживаний персонажа. Таким образом, вслед за Журди, мы считаем выражение субъективности основной функцией СКД. Интересно рассмотреть, как проявляет себя данная функция в репортажах А. Колесникова, которые отличаются повышенной ролью авторской субъективности – рассказ об увиденном ведётся от «от первого лица» (при этом следует различать образ автора и образ рассказчика).

Классики литературоведения и лингвистики М. М. Бахтин, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. М. Эйхенбаум, Б. В. Томашевский, М. П. Брандес, Б. О. Корман и др. (с историко-литературной, эстетической и лингво-психологической позиций) исследовали соотношение образа автора с его личностью и разными типами повествователей. В отличие от произведений художественной литературы, где термин «автор» обозначает либо повествователя-персонажа, либо образ (художественную личность), в медиатексте образ автора соотносится с реальной личностью журналиста, который выражает в словесно-художественной форме свою точку зрения, позицию, тезаурус, ассоциации, доступные для читательского понимания через активный дейксис. Образ рассказчика возникает при персонифицированном повествовании от первого лица как дейктической стратегии, используемой в тексте репортажа для создания эффекта присутствия. Дейксис нарратива связан с хронотопом и оценочностью. Время, пространство, оценка коррелируют с коммуникативной стратегией автора. Под коммуникативной стратегией понимается «планируемая долговременная линия речевого поведения, избранная коммуникантом для достижения главной цели» [3, с. 245]. Если стратегия – это «общее когнитивное представление о наиболее эффективных средствах достижения коммуникативной цели» [16, с. 49], то речевые стратегии «определяют, как и какими средствами (или возможными способами) такие цели могут быть достигнуты» [5, с. 277].

Научный дискурс о коммуникативных стратегиях появляется в трудах российских филологов в 2000-е годы в рамках нарратологических и рецептивных исследований повествовательного дискурса[1] [15], а затем экстраполируется на изучение специфики авторского мышления [13]. О. С. Иссерс трактует стратегию как комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [9], в том числе позволяющей журналисту проявить себя как личность, имеющую свой взгляд, позицию, точку зрения.

Стратегия связана с целью коммуникации, направлена на достижение конкретного результата. В процессе коммуникации цель опосредована задачами, обусловливающими выбор речевых тактик. Вербальным средством реализации тактики в русле выбранной стратегии выступает коммуникативный ход [11].

[1] Тюпа В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). – М.: Лабиринт, 2001. – 192 с.

Исследование коммуникативных стратегий и тактик, используемых журналистом, представляет собой актуальную задачу, поскольку, с одной стороны, расширяет научное представление о формах «вербального поведения индивидуумов в различных типах дискурса» [10], а с другой – позволяет определить специфику медиатекстов.

Органичным методом исследования авторских стратегий, по нашему мнению, является дискурс-анализ текстов, выявляющий смысловые концепты. В косвенно-свободном дискурсе такими концептами являются смыслы, которые вкладывают в свою речь действующие лица события. В публикациях за декабрь 2017 года такими концептами стали: *праздник* (начало предвыборной кампании, партийный праздник), *единство* (Президента и партии «Единая Россия», Президента и народа, членов партии), *наступление.*

Ключевой фигурой дейксиса в КСД является наблюдатель. Занимая позицию наблюдателя, Колесников проявляет себя и как яркий рассказчик. Образ рассказчика возникает при персонифицированном повествовании от первого лица, являясь важным средством композиционной организации текста, и находит выражение в характерологических речевых средствах (несобственно-прямой речи). «Какое наслаждение для повествователя от третьего лица перейти к первому! Это все равно, что после мелких и неудобных стаканчиков-наперстков вдруг махнуть рукой, сообразить и выпить прямо из-под крана холодной сырой воды», – писал О. Мандельштам[1]. Колесников позиционирует себя в качестве субъекта эстетического чувства. Это понятие раскрыл Т. Адорно: «Эстетическое чувство – это не возбуждающее чувство: это, скорее, удивление перед созерцаемым как перед самым главным, самым существенным для наблюдателя. Осознание Колесниковым себя как «человека Путина» совпадает с тезисом Адорно: «...преклонение перед тем, что не выражается понятиями и в то же время ясно и определённо, ощущение его всевластия над собой» [1, с. 240].

«Образ рассказчика, – подчёркивает В. В. Виноградов, – накладывает отпечаток и на формы изображения персонажей: герои уже не «самораскрываются» в речи, а их речь передаётся по вкусу рассказчика – в соответствии с его стилем, в принципах монологического воспроизведения» [4, с. 190]. Немаловажное значение имеет тональность дискурса. В трудах отечественных и зарубежных психологов (В. К. Вилюнаса, Л. С. Выготского, Б. И. Додонова, А. Н. Леонтьева, П. В. Симонова, П. Фресса и др.) представлен концептуальный взгляд на демонстрацию эмоций в коммуникативном процессе, благодаря чему адресат формирует мнение адресанта, побуждает принять определённую точку зрения, сделать выбор и т. п. Эмоция – психологическая категория, которая на языковом уровне трансформируется в эмотивность или тональность текста. Тональность текста отражает эмоциональное отношение автора к событию, его участникам, ситуации, словам, к действительности. Тональность, также как идеологема, номинация, оценочность, интерпретация, является текстообразующей категорией дискурса, оформлением речи в определённом стилевом регистре.

Доминирующая тональность свободно-косвенного дискурса репортажей Колесникова – ирония. Ему чуждо концептуальное отрицание «неправильной жизни», свойственное в целом эстетике постмодернизма и колумнистики, в частности Авторская интенция – показать комичность ситуации или персон без сарказма. Например: «*Геннадий Зюганов, словно понимая, что другой возможности, скорее всего, не представится, развернул перед собравшимися широкую предвыборную программу своей партии, чем сразу, уверен, сильно утомил их и так не слишком напрягавшиеся умы»*[2]*; «В десятки раз увеличилось количество нарколабораторий… – произнёс Вячеслав Володин, и мне вдруг показалось, что он как-то мечтательно улыбнулся… а, нет, извините, это он с отвращением поморщился»*[3]*; «Для «Единой России» это было, конечно, то, что надо. Это и был ее размер – тем более в связи с вышеизложенным (то есть занимать больше места, чем можно использовать). Минус был только один: до ближайшего туалета всегда было не меньше полукилометра»*[4]*; «Да и как фотографировать, скажем, Владимира Путина, если появляется он среди однопартийцев в основном по очень большим партийным праздникам (сам мгновенно и автоматически становясь их единственным смыслом), а когда всё-таки приходит,*

[1] Мандельштам О. Э. Египетская марка. – Л.: Прибой, 1928. – С. 67.

[2] Колесников А. Даже не цыкнули // КоммерсантЪ. – 2017. – 28 дек.

[3] Колесников А. Владимир Путин пообещал освободить бизнесменов, но не всех // КоммерсантЪ. – 2017. – 26 дек.

[4] Колесников А. Единая и неотделимая. Правящая партия поддержала Владимира Путина, хотя он даже не успел её об этом попросить // КоммерсантЪ. – 2017. – 25 дек.

то обязательно опаздывает, как и в этот, конечно, раз – набирался, видно растраченных сил после вчерашнего ночного хоккея на Красной площади»[1]; «То есть если до сих пор перед нами был, по его собственному выражению, раб на галерах, то теперь это был, по выражению Квентина Тарантино, Джанго Освобожденный»[2]; «У меня два сына, и я всегда думала, что молодёжи ни до чего! – рассказала ещё одна выступавшая. Так она, руководствуясь видом двух своих сыновей, думала про молодёжь, пока не увидела юношу, который очень хотел выступить на конкурсе проектов, который объявила мэрия одного из российских городов,– выступил, да так, что все, в том числе и она, просто обалдели. Так этот парень вернул ей веру в молодёжь (по крайней мере до того момента, пока она снова не посмотрела на своих сыновей или, не дай бог, не поговорила с ними)»[3].

Следуя традициям русской сатирической литературы, Колесников ставит перед собой задачи уже не чисто журналистские (которые в сатирико-юмористических дискурсах сводятся к фиксации внешне смешного), а литературные. Он работает над техникой не воспроизведения, а создания комического, которое заключено не столько в факте, сколько в способе подачи этого факта. Такая манера письма всегда была великим искусством преподносить серьёзную мысль в доступной, занимательной, остроумной форме. Сочетание комического с серьёзным создаёт эффект сочувствия, эмпатии, который проявляется в высказываниях, относящихся к В. В. Путину. Например: «*Часы подавляли, и сидящий под ними человек, мне казалось, должен был чувствовать, что время его уходит… Неумолимо… Насовсем… Навсегда…*»; «*Конечно, сделаем, – заверил его Владимир Путин. – У него (он кивнул на своего уполномоченного, и тот кивнул, даже пока президент не успел договорить. – А. К.) все под контролем (теперь наконец-то стало понятно, кто сидит рядом с президентом. – А. К.)*»[4]; «*Но дело было не в этом: Светлана Орлова обратила внимание на то, что недопустимо такое положение дел именно в канун выборов. То есть она ясно дала понять: если срочно не исправить, Путина могут не выбрать. Или везде выберут, а во Владимирской области не выберут, или выберут и во Владимирской области, но не с тем результатом, но если что, она уже не виновата: она же предупреждала*»[5]; «*Да и как фотографировать, скажем, Владимира Путина, если появляется он среди однопартийцев в основном по очень большим партийным праздникам (сам мгновенно и автоматически становясь их единственным смыслом), а когда всё-таки приходит, то обязательно опаздывает, как и в этот, конечно, раз – набирался, видно растраченных сил после вчерашнего ночного хоккея на Красной площади»; «А, бабай… – вздохнул Владимир Путин. – Мартышка к старости слаба глазами стала... Извините… – Шахматы? – прочёл он. – Интересно… Мы вернёмся к этому… – Шахты!.. – кто-то криком поправил его, но Владимир Путин не услышал (то есть проблема, получается, у него была двойная); «Главное – что вы, Владимир Владимирович, объявили о своём выдвижении! В этот момент вся страна, по-моему, облегчённо вздохнула и сказала: “Наконец-то!” Как же радостно было услышать это от Валентины Матвиенко, и не только президенту. Я лишь в эту секунду почувствовал себя всей страной (а то иногда казалось, что только я этого и жду и только об этом спрашиваю)*»[6]; В последнем фрагменте содержится дейксис, который играет важную роль в коммуникативной стратегии автора, считающего нужным показать, что он чужой для персонажей большой политики. Журналист переходит в иной онтологический статус событийности, который М. М. Бахтин определил как позицию «вненаходимости» [2]. На этом структурном уровне текста возникает образ рассказчика.

Каким сотни тысяч читателей «Коммерсанта» видят журналиста Колесникова? Обычным, порой наивным, россиянином, как и они сами: «*Я удивился: кто тут у кого был на приёме? …Я был в некотором недоумении: мне казалось, Владимир Путин должен был заявить не о согласии баллотироваться, а о желании. В общем, была тут все-таки, на мой взгляд, какая-то заминка, которую следовало разъяснить. Я думал, что интереснее было бы почитать (а то бы и вслух) о доходах. Это, конечно, интересное чтение. А с другой стороны, конечно, о расходах… Это ещё ведь интересней: про доходы все уже примерно знают, что всё будет написа-*

[1] Колесников А. И звезда с звездою. И буллит // КоммерсантЪ. – 2017. – 25 дек.

[2] Колесников А. Сообщающий сосуд // КоммерсантЪ. – 2017. – 15 дек.

[3] Там же.

[4] Колесников А. Даже не цыкнули // КоммерсантЪ. – 2017. – 28 дек.

[5] Там же.

[6] Колесников А. Владимир Путин пообещал освободить бизнесменов, но не всех // КоммерсантЪ. – 2017. – 26 дек.

но как обычно… А вот расходы… Что, куда, сколько… Да, я выбрал бы вторую справку. Но я был не Александр Клюкин»[1]; «*Нотариальное удостоверение протокола собрания группы избирателей… 670 подписей… – сказал Александр Клюкин, и мне всё больше нравилось, как он справлялся со своей ролью. Интересно, думал я, спросить у Владимира Путина, есть ли у него какие-то подработки. Ведь когда интересуются основным местом работы, автоматически, мне кажется, подразумевают, что есть и другое, а может, и не одно… Пока не удалось, но впереди, надеюсь, есть время. Странно, подумал я, а я-то уже решил, что они тут во всём живут по-дальневосточному. Конечно, сделаем, – заверил его Владимир Путин. – У него (он кивнул на своего уполномоченного, и тот кивнул, даже пока президент не успел договорить. – А. К.) всё под контролем (теперь наконец-то стало понятно, кто сидит рядом с президентом. – А. К.)»*[2]; «*Гораздо больше участников заседания удалось развеселить губернатору Владимирской области Светлане Орловой, которая рассказала об ужасной работе “Почты России”. Светлане Орловой, как я понял, приходится долго стоять в очереди, чтобы отправить всего семь писем, а потом выясняется, что можно за один раз только шесть, а потом опять надо вставать в начало очереди»…* Колесников-рассказчик пытается развеять миф о полном доступе журналиста кремлёвского пула к эксклюзивной информации – о многом он узнаёт случайно, как, например, о хоккейном гала-матче, в котором Президент России Владимир Путин сыграл со звездами правления Ночной хоккейной лиги. «*Это был очень странный вечер. В 22 часа я вышел из “Боско-бара” на Красную площадь: выход через ГУМ был уже закрыт. Я пошёл по направлению к Ильинке и увидел там, где она упирается в Красную площадь, рамку металлоискателя. Это было необычно, хотя и ничего такого уж совсем странного: в конце концов огромное количество народа на катке и на ярмарке на Красной площади, канун Нового года… Элементарные меры предосторожности. Во всем мире они сейчас в местах такого скопления людей, и не такие, а жестче. Впрочем, осмотр, я обратил внимание, был быстрым и поверхностным*[3]. Однако было бы более чем странно, что журналист такого уровня почти ничем не отличается от простых граждан, и в образе рассказчика появляются более реалистичные черты – проницательность («*Работать, надеюсь, на Павла Грудинина. Хотя после таких вопросов может, не исключено, и скорректировать свои великодушные идеи и не в пользу Павла Грудинина… Будет потихоньку саботировать*»); пессимистичность («*И теперь в выигрышном положении неожиданно могут оказаться совсем не те, кто чувствует себя защищённым от всех возможных невзгод прежде всего годами, отданными партии и так, в сущности, незаметно пролетевшими… Да и стоили ли они того?.. Да не бессмысленна ли жизнь вообще?*»); насмешливость (*«Президент тем временем объединил себя со всем своим народом, а вернее народ с собой. И теперь народу, если что, не отвертеться – в отличие, между прочим, от Владимира Путина»*); критичность («*Всё-таки задача по объяснению решения президента выдвигаться самому по себе оказалась, наверное, слишком сложной, иначе Дмитрий Медведев не сказал бы, что это решение вызвано тем, что Владимиру Путину нужно опираться на самые широкие слои населения. А на кого тогда опирается сама “Единая Россия”? Кого она представляет, если не широкие слои, если она и не есть именно народ, как настаивал в самом начале своего выступления непосредственно Владимир Путин?»);* раздражительность («*Я с трудом протиснулся в просторный и за полчаса до начала пресс-конференции полупустой буфет, где блистали своим наличием осетинские пироги с мясом и хачапури с сыром. Немного странно, что и то и другое уже стало верным признаком этой пресс-конференции. В конце концов, почему же не расстегай, что ли: пресс-конференция, в конце концов, президента России, а не Грузии или, к примеру, Абхазии*»); ироничность («*– Конечно! – с удовольствием повторил он. – Путин же наш президент! – Ваш? – переспросил я. – Ах да… А то же иногда забываешь, чей он. Но, слава богу, всегда найдётся человек, который напомнит, чей он»*).

Здесь следует обратить внимание на историческую разницу этимологии слов «автор» и «рассказчик». Семантика лексемы «автор» означает «сочинитель»; в синонимический ряд слова «сочинитель», как известно, входят существительные «обманщик», «выдумщик», тогда как лексема «рассказчик» интерпретируется как «повествователь» (от слова «повесть» в значении «хроникальный

[1] Колесников А. Даже не цыкнули // КоммерсантЪ. – 2017. – 28 дек.

[2] Колесников А. И звезда с звездою. И буллит // КоммерсантЪ. – 2017. – 25 дек.

[3] Там же.

сюжет, воспроизводящий естественное течение жизни»)[1]. Ориентируясь на этимологию данных понятий и их семантику, подчеркнём, что главное в том и другом случае – это позиция автора или рассказчика, точка зрения, по определению Б. А. Успенского – «уровень, который условно можно обозначить как оценочный, понимая под “оценкой” общую систему идейного мировосприятия» [14, с.16].

Ирония как концептуальный взгляд и способ отношения к миру актуализирует свободно-косвенный дискурс: «...ирония руководствуется общей темой, развивая каждый отдельный её момент» [22, с. 146]. Несобственно-прямая речь служит катализатором СКД, обрисовывает авторов репортажей, даёт возможность создать психологические портреты, делает повествование эмоциональным.

Заключение. Исследование произведений политического журналиста А. Колесникова позволяет заключить, что в репортажном тексте свободно-косвенный дискурс придаёт остроту официальному информационному потоку, создаёт комичную модальную рамку описываемой ситуации, актуализирует роль рассказчика, непосредственно выражающего свои взгляды, мысли, оценки. Допускаемая субъективность позволяет автору быть ироничным, в выражении своего отношения к изображаемому, рассказываемому свободно проявлять эмоции. Разумеется, мера эмоциональности определяется мировоззрением, стилем, замыслом произведения, личностью журналиста. Как показывает дискурс-анализ текстов А. Колесникова, эмоциональность не обусловлена употреблением ненормативной или просторечной лексики. Речевая практика Колесникова убеждает в правоте слов И. Бродского: «Только если мы решили, что “сапиенсу” пора остановиться в своём развитии, следует литературе говорить на языке народа. В противном случае, народу следует говорить на языке литературы».

Список литературы

1. Адорно Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001. 288 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Викулова Л. Г., Шарунов А. И. Основы теории коммуникации. М.: АСТ: Восток-Запад, 2008. 316 с.
4. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.
5. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. М. А. Дмитровский [и др.]. М.: Прогресс, 1989. 307 с.
6. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (ценностная рефлексия журналистики начала XXI века). Чита: ЗабГГПУ, 2009. 297 с.
7. Журди Н. В. Повествовательная форма как одна из основных категорий грамматики нарратива: к вопросу о свободно-косвенном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. С. 81–86.
8. Зло, особенно политическое, всегда плохой стилист // Избранные места из Нобелевской речи Иосифа Бродского // Газета Ру. 2015. 24 мая.
9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
10. Киселев А. Ю. Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе (на материале немецкого языка): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Самара, 2012. 22 с.
11. Ланских А. В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2008. 183 с.
12. Одинцов В. В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 263 с.
13. Осьмухина О. Ю., Иваницкий А. И. Проблема авторской стратегии как объект литературоведческого анализа // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 2. С. 161–162.
14. Успенский Б. А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 256 с.
15. Шмидт В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
16. Dijk T. A. Van. Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. New York: Academic Press, 1983. 418 p.
17. Downing J. Internationalizing Media Theory: Transition, Power, Culture. Reflections on Media in Russia, Poland and Hungary, 1980–1995. London: Sage, 1996. 269 p.
18. McQuail D. Origins and Development of the Diels of Study // McQuail D. McQuail’s Reader in Mass Communication Theory. London: Sage, 2006.
19. McQuail D. The future of communication studies: A contribution to the debate // Media and Communication Studies Interventions and Intersections / N. Carpentier (eds.). Tartu: Tartu University Press, 2010.
20. Mel’nik G. S., Misonzhnikov B. Y., Teplyashina A. N. Political discourse as the subject transgressive intention // The Social sciences. 2015. T. 10, № 9. Зр. 2225–2230.

[1] Большой энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1993. – 1632 с.

21. Teplyashina A. N., Mel'nik G. S., Misonzhnikov B. Y., Grishanina A. N. Sense distortions in the Mass Media: their social consequences // American Journal of Applied Sciences. 2016. T.13, № 6. Pp. 762–772.
22. Turner G. Stylistics. Harmondsworth,1973. 246 p.

Статья поступила в редакцию 22.10.2017; принята к публикации 10.12.2017

Библиографическое описание статьи

Тепляшина А. Н. Лексические особенности свободно-косвенного дискурса репортажей Андрея Колесникова // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 1. С. 136–143.

Alla N. Teplyashina,
Doctor of Philology, Professor,
Saint Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 192012, Russia),
e-mail: a-nik@list.ru

Lexical Features of Free-Indirect Discourse of Andrei Kolesnikov's Reports

The article contains a description of some key issues of media text. These questions are related to the category of free-indirect discourse. Discourse is considered as a collection of author's markers. Markers create an emotional space for reporting. Markers construct reader's perception. The article describes the possibilities of free-indirect discourse. This discourse is based on the functions of the narrator. This discourse is also based on sense-forming functions of the reportage. The article discusses the use of narrative on the example of a political journalist A. Kolesnikov's report. In the article features of irony, displays of irony are considered. The examples from A. Kolesnikov's texts are given. We see how the journalist demonstrates his observations on politicians. We see how effectively reality is depicted. In some cases, when the journalist creates his own image, it is about self-irony. A feature of discourse is the literary style. There is no vernacular, invective vocabulary. Vocabulary shows a significant repertoire of means of creating irony. Irony is seen as a conceptual way of expressing the worldview. Narrative media text imitates the canonical communicative situation. In the unconventional narrative, the reader comes to the fore. To attract the attention of the reader is the super task of the journalist. The fulfillment of this task depends on the mode of perception of the world. It is important to know the author's attitude to the subject of speech, to the context. Interpretation modes should correspond to the author's position.

Keywords: free-indirect discourse, reportage, narrator, narrative, deixis, irony, improperly direct speech

References

1. Adorno, T. Aesthetic theory. Moskva: Respublika, 2001. (In Rus.)
2. Bakhtin, M. M. Aesthetics of verbal creativity. Moskva: Iskusstvo, 1979. (In Rus.)
3. Vikulova, L. G., Sharunov, A. I. Fundamentals of the theory of communication. M.: AST Vostok-Zapad, 2008. (In Rus.)
4. Vinogradov, V. V. On the theory of artistic speech. Moskva: Vysshaya shkola, 1971. (In Rus.)
5. Dejk, T. A. van. Language. Cognition. Communication.Translated from English. M. A. Dmitrovskiy, S. N. Suhomlina. Moskva: Progress, 1989. (In Rus.)
6. Erofeeva, I. V. Axiology of media text in Russian culture (the value reflexion of journalism at the beginning of the 21st century). Chita: Zabaikal. gos. gum. ped. un-t, 2009. (In Rus.)
7. Zhurdi, N. V. The narrative form as one of the basic categories of the grammar of the narrative: the question of free-indirect discourse. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, pp. 81–86, 2009. (In Rus.)
8. Evil, especially political, is always a bad stylist. Selected places from the Nobel speech of Joseph Brodsky. Gazeta Ru. 2015. 24 May
9. Issers, O. S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moskva: KomKniga, 2006. (In Rus.)
10. Kiselev, A. Yu. Address strategies in popular science discourse (based on the German language). Cand. sci.diss.abstr. Samara, 2012. (In Rus.)
11. Lanskih, A. V. Speech behavior of reality show participants: communicative strategies and tactics. Cand. sci.diss. Ekaterinburg, 2008. (In Rus.)
12. Odintsov, V. V. Stylistics of the text. Moskva: Nauka, 1980. (In Rus.)
13. Os'muhina, O. Yu., Ivanitskiy, A. I. The problem of the author's strategy as an object of literary analysis. Gumanitarnye nauki i obrazovanie, no. 2 (18), pp. 161–162, 2014. (In Rus.)
14. Uspenskiy, B. A. Poetics of the composition: The structure of the artistic text and the typology of the composition form. Moskva: Iskusstvo, 1970. (In Rus.)
15. Shmidt, V. Narratology. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. (In Rus.)

16. Dijk, T. A. Van. Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. New York: Academic Press, 1983. (In Engl.)
17. Downing, J. Internationalizing Media Theory: Transition, Power, Culture. Reflections on Media in Russia, Poland and Hungary, 1980–1995. London: Sage, 1996. (In Engl.)
18. McQuail, D. Origins and Development of the Diels of Study. McQuail D. McQuail's Reader in Mass Communication Theory. London: Sage, 2006. (In Engl.)
19. McQuail, D. The future of communication studies: A contribution to the debate. Carpentier, N. et al eds. Media and Communication Studies Interventions and Intersections. Tartu: Tartu University Press, 2010. (In Engl.)
20. Mel'nik, G. S., Misonzhnikov, B. Ya., Teplyashina, A. N. Political discourse as the subject transgressive intention. Social sciences, vol. 10, no. 9, pp. 2225–2230, 2015. (In Engl.)
21. Teplyashina, A. N., Mel'nik, G. S., Misonzhnikov, B. Ya., Grishanina, A. N. Sense distortions in the Mass Media: their social consequences. American Journal of Applied Sciences, vol.13, no. 6, pp. 762–772, 2016.
22. Turner, G. Stylistics. Harmondsworth, 1973. (In Engl.)

Received: October 22, 2017; accepted for publication December 10, 2017

Reference to the article

Teplyashina A. N. Lexical Features of Free-Indirect Discourse of Andrei Kolesnikov's Reports // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No.1. PP. 136–143.